

ДИАЛОГИ И ВСТРЕЧИ

Женщина в русской и американской
культуре

Елена Юшкова

**Диалоги и встречи: Женщина
в русской и американской
культуре. Сборник статей,
материалов конференции**

«Издательские решения»

Юшкова Е. В.

Диалоги и встречи: Женщина в русской и американской культуре.
Сборник статей, материалов конференции / Е. В. Юшкова —
«Издательские решения»,

ISBN 978-5-44-902028-4

Сборник статей, материалов конференции из цикла «Диалоги и встречи», прошедшей 20—22 февраля 2015 года в Вологде. Ее тема — «Женщина в русской и американской культуре». Данный проект продолжил линию соотношения русской и американской традиций, обозначенную на первых двух конференциях 2012 года: «Русский и американский театр XX века», «Постмодернизм в русской и американской культуре».

ISBN 978-5-44-902028-4

© Юшкова Е. В.
© Издательские решения

Содержание

Предисловие	6
Феномен «женского письма» в контексте гендерной проблематики ¹	7
Миссия американки в женской литературе и публицистике конца XVIII и первой половины XIX столетий	11
Конец ознакомительного фрагмента.	14

Диалоги и встречи: Женщина в русской и американской культуре

Сборник статей, материалов конференции

Редактор Елена Владимировна Юшкова

Редактор Людмила Алентиновна Якушева

Иллюстрация на обложке Григорий Алексеевич Якушев

ISBN 978-5-4490-2028-4

Создано в интеллектуальной издательской системе Ridero

Предисловие

20—22 февраля 2015 года в Вологде прошла III всероссийская научно-практическая конференция с международным участием из цикла «Диалоги и встречи». Ее тема – «Женщина в русской и американской культуре». Данный проект продолжил линию соотношения русской и американской традиций, обозначенную на первых двух конференциях 2012 года: «Русский и американский театр XX века», «Постмодернизм в русской и американской культуре».

В конференции приняли около сорока ученых, из них – девять выпускников академической обменной программы Фулбрайт и, в частности, программы Фулбрайт-Кеннан. География получилась достаточно широкая: докладчики приехали из Москвы, Санкт-Петербурга, Самары, Екатеринбурга, Тулы, Ярославля и Архангельска. Зарубежным участникам была предоставлена возможность принять участие в конференции со слайп-докладами. Свою работу представили Ирина Данилова из Швеции и Наталья Старостина-Трубицына из США. Поскольку конференция носила компаративистский и междисциплинарный характер, то на нее собрались историки, филологи, культурологи, искусствоведы – специалисты как по российской, так и по американской культуре.

В рамках конференции прошла студенческая секция, на которой была предоставлена возможность выступить студентам и аспирантам – молодым ученым, были проведены презентации программы Фулбрайт сотрудницей московского офиса Еленой Шабашовой, а также состоялся Круглый стол выпускников Института им. Дж. Кеннана, в котором приняла участие менеджер по региональному развитию Института Изабелла Табаровски, приехавшая из США. На круглом столе обсуждались перспективы сотрудничества выпускников Института.

Тематика докладов была достаточно широкая – от женских образов в американской и российской литературе (как современной, так и классической) до роли женщины в различных сферах жизни – политике, социуме, образовании, науке, искусстве, способам репрезентации «женского» в текстах культуры, проблеме рассмотрения образа жизни и мировосприятия женщины, отрефлектированных в индивидуальном и массовом опыте последних двух столетий. В сборнике представлена часть докладов, сделанных во время конференции.

Е. В. Юшкова, Л. А. Якушева

Феномен «женского письма» в контексте гендерной проблематики¹

ВОРОБЬЕВА С.Ю. (Волгоград)

Современные исследования в области гендерных проявлений сознания в художественном тексте так или иначе касаются того «водораздела», что существует в научном сознании между понятиями «автор-женщина» и «женская литература». Говоря «автор-женщина», мы, как правило, понимаем под этим только биологическую соотнесенность личности автора с женским полом, осознаваемую в подавляющем большинстве случаев субъектом с рождения, но, произнося «женская литература» или «женская проза», мы добавляем к изначально понятной половой соотнесенности автора еще и соотнесенность ее с определенным типом письма, которым она владеет – «женским», его, чтобы избежать тавтологии, вслед за Ж. Дерридой, возможно, все же следует называть «феминным». Поэтому, когда спор касается легитимности статуса «женская» литература или «женская» проза, горизонт читательских и исследовательских ожиданий всегда связан с этим предполагаемым единством: женский опыт уникален, следовательно, и писать автор-женщина должна иначе, чем мужчина.

Выявление «культуры гендера» на материале художественного текста видится вполне перспективным, т.к. касается тех нерелефлексивных феноменов дискурсивного характера, за счет которых художественный образ в процессе художественной коммуникации автора и читателя формируется как эстетический объект. Концепция эстетического анализа М. Бахтина прекрасно подойдет для этого, будучи ориентированной на феноменологию художественного текста. Согласно ей, понимание эстетического объекта «в его чисто художественном своеобразии», означает понимание его архитектоники. Для этого, считает ученый, необходимо «обратиться к произведению в его первичной, чисто познавательной данности и понять его строение совершенно независимо от эстетического объекта», для чего «эстетик должен стать геометром, физиком, анатомом, физиологом, лингвистом – как это приходится делать до известной степени и художнику» [1, с.17]. Разработка приемов фиксации и семиотизации гендерного «присутствия» пишущего субъекта в тексте культуры – насущная задача гендерной теории и методологии. Практическая же ее цель состоит в выявлении и описании фактов этого присутствия в различных формах дискурсивных практик, отражающих особую (феминную) аксиологию. На основе этого возможна реконструкция иного образа мира – его феминной картины, которая наряду с традиционной даст столь необходимую сегодня коррекцию традиционной антропологической парадигме. Реальное применение подобные разработки могут найти не только в текстологии, криминалистике и судебной практике при решении проблемы атрибуции текста, но также в педагогике и методике преподавания помогая выработке адекватных гендерному сознанию когнитивных механизмов.

Кроме того, этический пафос гендера тесно связан с идеей гуманитарной консолидации и восхождением к пониманию человечности в новом, неиерархичном образе мира. В силу этого гендерный подход к текстам общественной коммуникации способен дать принципиально новый ракурс в оценке мира и человека, что, в свою очередь, приведет к пересмотру ценностных ориентиров и ревизии антропологической картины мира через процесс преодоления гендерной асимметрии.

Гендерными сегодня принято считать многочисленные изыскания различного характера, основанные на половых различиях респондентов. Их основная цель – мониторинг тех или иных

---

¹ Работа выполнена при финансовой поддержке Российского гуманитарного научного фонда, проект №15-03-00068.

преференций как населения в целом, так и отдельных его групп по различным признакам, например, возрастным, национальным, сословным, профессиональным и т. п. Называя их «гендерными», авторы публикаций проводят, по сути, полоролевые исследования, исходя из однозначной гендерной идентичности того или иного субъекта, обусловленной его половой принадлежностью, т. е. фактически дублируя термин «пол» [5].

Принципиальная новизна предлагаемого нами подхода обусловлена установкой на дискурсивный характер природы гендера, что позволяет:

- 1) разграничить гендерные и феминистские исследования;
- 2) существенно скорректировать объем и семантику самого понятия «гендер», имеющий сегодня целый спектр порой противоречащих друг другу определений;
- 3) выработать алгоритмы гендерного анализа текста [3].

Процесс постепенного отпочкования гендерных механизмов от жесткой половой детерминации предмета исследования очевиден в науке последних десятилетий.

В этом направлении многое уже сделано. Трактовка гендера как дискурсивного по своей природе феномена встречается в трудах, основанных на таких методологических концепциях, как психоанализ, постструктурализм и деконструктивизм, экзистенциализм и феноменология. Наиболее последовательными и методологически ценными в этом направлении стали работы К. Клеман [11], Э. Сиксу [10], Л. Иригарэ [12], Р. Брайдотти [2]. Оставаясь в рамках феминистской идеологии и риторики, авторы косвенно, а подчас и прямо апеллируют к различным типам дискурсивных практик как отражению специфической женской субъектности.

В определении М. Фуко [8], автор – это прежде всего создатель дискурса, причем дискурса принципиально инновационного, способного активно функционировать в социальном пространстве, т. е. определенным образом позиционировать себя по отношению к полю власти. Особым статусом, согласно М. Фуко, обладают авторы, находящиеся в транс-дискурсивной позиции: способные создать не просто текст или произведение, а саму возможность и правила образования других текстов – установить некую бесконечную возможность дискурсов. В связи с этим неизбежно возникает вопрос: способны ли авторы-женщины занять подобную транс-дискурсивную позицию? Способно ли гендерно ориентированное сознание автора-женщины, репрессированное всей предшествующей традицией языка и культуры породить новые правила, новую «бесконечную возможность дискурсов»? Именно эти вопросы – краеугольный камень феминистски ориентированной критики, которая позиционирует себя как альтернативу традиции, в коей видит только проявление патриархатного сознания.

Характеризуя особый статус авторов – «учредителей дискурсивности», М. Фуко отмечает, что их функция определяется не только тем, что они открыли некоторое число новых аналогий, но и сделали возможным некоторое число различий, т. е. сформировали новую структуру, предполагающую некоторый набор различающихся и иерархизированных признаков. Если предположить, что наличие значительного перечня психофизиологических и социальных различий между представителями противоположных полов может трактоваться как вполне весомое основание для существования гендерно ориентированных видов дискурса, то все сказанное М. Фуко об «учредителях дискурсивности» далее теоретически вполне соответствует процессам, о которых сегодня активно говорит феминистская критика. С различной степенью метафоричности она сравнивает «женский» дискурс с «всплывающей Атлантидой» (Габриэлян) [4], «полетом к невозможным горизонтам» (Брайдотти) [2], «зазеркальем» (Савкина) [7]. Эти образы, не претендуя на строгую научность и терминологический статус, тем не менее указывают на принципиально важное качество процесса, гипотетически называемого «женским дискурсом», как своего рода попытки восстановить утраченную некогда целостность, вернуться к тому, что вытеснено из общественного сознания, но напоминает о себе лишь зияющими пустотами, отражением в разбитом зеркале. Тогда, по Фуко, и происходит возвращение к самому тексту – к тексту в буквальном смысле, но и к тому, что в тексте маркировано пусто-

тами, отсутствием, пробелом. Происходит возвращение к некоей пустоте, о которой забвение умолчало или которую оно замаскировало, которую оно покрыло ложной и дурной полнотой, и возвращение должно заново обнаружить и этот пробел, и эту нехватку [8, с. 47].

Под «женским дискурсом» мы понимаем ту гипотетически возможную форму объективации содержания сознания, которая регулируется недоминирующим в существующей социокультурной традиции типом рациональности, тем типом, который, латентно присутствуя в культуре, может быть пока лишь реконструирован. Строго говоря, ни одно из употребляемых сегодня в научном обиходе определений дискурса неприменимо по отношению «женскому дискурсу». Так, предложенная Ю. Хабермасом трактовка дискурса как рефлексивной речевой коммуникации, при которой важен процесс проговаривания всех ее аспектов, значимых для участников коммуникации, предполагает для женской субъектности, как минимум, статус участника этой коммуникации, что в реальности, последовательно игнорирующей женскую субъектность в культуре, сводится только к уровню бытовой коммуникации.

Интерпретация дискурса Э. Бенвенистом как «речи, присвоенной говорящим», тоже неприменима, т. к. женщина неизбежно «присваивает» речь, обеспеченную патриархатным типом дискурса, номинированного как общечеловеческий [6].

М. Фуко соотносит дискурс с репрезентацией поля власти, традиционно игнорирующей феминную составляющую. Следовательно, то, что условно может быть названо «женский дискурс», может быть представлено в этой репрезентации только как своего рода фигура умолчания, как контрстратегия и контртактика, которые, тем не менее могут быть восприняты и семиотизированы. Таким образом, настоящий проект, соотносясь напрямую с актуальными проблемными полями современного гуманитарного знания, стремится к решению одной из самых насущных проблем в теории гендера – выработке механизмов выявления дискурсивных репрезентаций гендера, при максимально широком понимании самого термина «дискурс», приравнивая его, по сути, к тому, что М. М. Бахтин в свое время называл «высказыванием», выстраивая мост между лингвистическими и литературоведческими методами исследования художественного текста [1, с.19].

Таким образом, теоретическую базу гендерных исследований составляют несколько источников, имеющих существенные переклички и пересечения в трактовке женской инаковости и вкуче создающие, на наш взгляд, вполне завершенную и внутренне непротиворечивую концепцию формирования и бытования женской субъектности в виде особой дискурсивной практики, специфическим образом проявляющей себя в поле традиционной культуры.

Библиографический список:

– Бахтин М. М. Проблемы материала, содержания и формы в словесном художественном творчестве. // Бахтин М. М. Вопросы литературы и эстетики. Исследования разных лет. М., «Худож. лит.», 1975. – 504 с.

– Брайдогги, Р. Женские исследования и политики различия / Р. Брайдогги // Введение в гендерные исследования. В 2 ч. – Ч. II: Хрестоматия / Под ред. С. В. Жеребкина. – Харьков: ХЦГИ, 2001; СПб.: Алетейя, 2001. – С. 13—22.

– Воробьева, С. Ю. Речевая репрезентация внешнего и внутреннего мира современной женщины / С. Ю. Воробьева // Вестник Волгогр. гос. ун-та. – Сер. 2. Языкознание. – 2012. – №1 (15). – С. 31—39.

– Габриэлян, Н. М. Всплывающая Атлантида (медитация на тему феминизма) / Н. М. Габриэлян // Общественные науки и современность. – 1993. – №6. – С. 171—176.

– Гендер как инструмент познания и преобразования общества: на пороге новых свершений. МЦГИ отметил свое 15-летие теория. – Электронные текстовые дан. – Режим доступа: // <https://goo.gl/qVsXXn>

- Дискурс // История философии. – Электронные текстовые дан. – Режим доступа: http://dic.academic.ru/dic.nsf/history_of_philosophy/173/ – Загл. с экрана.
- Савкина, И. Зеркало треснуло / И. Савкина / Гендерные исследования. – 2003. – №9. – С. 84—106.
- Фуко, М. Воля к истине. По ту сторону знания, власти и сексуальности / М. Фуко / пер. с фр. С. Табачниковой; под ред. А. Пузыря. – М.: Магистериум—Касталь, 1996. – 448 с.
- Braidotti, R. A New Normadism / R. Braidotti // Patterns of Dissonance: A Study of Women in Contemporary Philosophy. – NY: Cambridge: Polity Press, 1990. – P. 277—284.
- Cixous, H. The Helen Cixous Reader [Text] / Ed. by S. Sellers, with preface by H. Cixous and foreword by J. Derrida. – London; New York: Routledge, 1994. – 232 p.
- Cixous, H. The Newly Born Woman / H. Cixous, C. Clement. – Minneapolis: University of Minnesota Press, 1986. – 168 p.
- Irigaray, L. This Sex Which Is Not One / L. Irigaray. – Ithaca: Cornell University Press, 1985. – 223 p.

Миссия американки в женской литературе и публицистике конца XVIII и первой половины XIX столетий

МОРОЗОВА И.В. (Москва)

Мессианство, убежденность в особом предназначении является, как известно, существенной чертой американского сознания. Со времен первых поселенцев идея исключительности Америки и ее народа как избранного для выполнения особой миссии – будь то распространение христианства в XVII в. или борьба с терроризмом и эболой в XXI – занимает центральное место в общественно-политическом дискурсе США. Как в свое время сказал президент Дж. Буш-младший в своем обращении к нации, «Америка – это страна, у которой есть своя миссия, и эта миссия проистекает из наших базисных верований» [1].

К числу базисных верований, вне всякого сомнения, относится вера в незыблемость демократических установлений, унаследованная многими поколениями американцев со времен Войны за независимость. Имена отцов —основателей, борцов за демократические институты, давно и прочно вошли в историю США, в то время как имена женщин, безусловно, сыгравших значительную роль в распространении идеологии нового государства, упоминаются далеко не так часто.

Эпоха борьбы за независимость стала одним из важнейших этапов формирования не только общенациональных политических и социальных идей, но и значительной вехой в формировании женского самосознания и понимания женщиной своей особой миссии. Прежде всего, революционные идеи этой эпохи не замедлили сказаться на формировании движения женщин за свои права. Так, еще 31 марта 1776 г. Абигайл Адамс, жена будущего второго президента США в письме к мужу настаивала на включении в готовящуюся конституцию положений, гарантирующих независимость женщин: «Я жажду услышать, что вы провозгласили независимость. И между прочим, в новом своде законов, который, как я полагаю, необходимо вам издать, я хотела бы, чтобы вы вспомнили о женщинах и были более щедрыми и благосклонными по отношению к ним, чем ваши предшественники... Если особая забота и внимание не будет уделено женщинам, то мы будем вынуждены восстать, не связывая себя обязательствами законов, которые отказывают нам в праве голоса или представительства» [2].

Поскольку процесс формирования молодого государства затрагивал не только политические аспекты, но и вопросы оформления культурной жизни, закономерно, что именно в этот период женщины начинают активно проявлять себя и в литературном, творческом плане. Важно отметить тот факт, что литературные дискуссии того времени были прежде всего дискуссиями о путях становления нового государства, в котором должна быть и своя литература, отвечающая требованиям молодой нации.

Не случайно поэтому, что первые писательницы Соединенных Штатов в своем творчестве обращались к наиболее насущным общественно-политическим проблемам своего времени и своей страны. Среди наиболее значимых представительниц американской словесности этого периода, безусловно, следует назвать имена Мерси Отис Уоррен (Mercy Otis Warren, 1728 – 1814), драматурга, поэтессы и историка, и Джудит Сарджент Мюррей (Judith Sargent Murray, 1751—1820), блистательной эссеистки.

Еще в 1772 г. Мерси Уоррен начала свою общественно-политическую деятельность, выступая против власти английского правления в колониях. Первым ее произведением стала анонимно опубликованная сатирическая стихотворная пьеса «Льстец» (*The Adulateur*), где главной мишенью осмеяния становится губернатор штата Массачусетс. Последующие за ней

пьесы «Поражение» (*The Defeat*, 1773), «Группа» (*The Group*, 1775) имели большой общественный резонанс, их отдельные, наиболее сатирически заостренные части не раз выходили на страницах таких периодических изданий, как «Бостон Газетт» и «Массачусетс Спай», формируя общественное мнение, посредством художественного слова приобщая читателей к политической активности.

Впоследствии Уоррен, усмотревшая значительное ограничение выборных прав в Конституции, написала анонимный памфлет «Заметки колумбийского патриота по поводу новой Конституции» (*Observations on the New Constitution By a Columbian Patriot*, 1788), в котором призывала представителей штатов не ратифицировать документ.

Безусловно, произведения Мерси Уоррен были далеки от художественного совершенства, их литературные достоинства очевидно уступают место политической заостренности, открытой тенденциозности содержания. Однако творчество Мерси Отис Уоррен представляет собой первые шаги женщин в литературном движении и в процессе осмысления актуальных вопросов действительности, оно помогает понять, какой представлялась миссия женщины для американок XVIII столетия.

Джудит Мюррей, использовавшая псевдоним «Констанция» (*Constantia*), который подчеркивал постоянство ее воззрений, кроме драм, писала стихи, но, прежде всего она была автором блестящих эссе, посвященных злободневным проблемам молодого государства.

Наиболее значимые эссе написаны Мюррей для «Массачусетс Мэгэзин» в 1792—1794 гг. В них она обсуждает такие темы, как содержание Конституции, опасности политического раскольничества, групповщины, рассуждает о прогрессивистской природе истории, и поднимает проблемы развития национальной литературы, и, прежде всего, драмы. Так, американская драма, по мнению Мюррей, должна отражать добродетели новой республики: свободу, патриотизм и равенство. При этом она особо подчеркивала тот факт, что американская национальная драма обязана порвать с традициями британской литературы.

Однако самое большое количество эссе посвящены проблемам прав женщин в американском обществе, самое известное из которых «О равенстве полов» (*On the Equality of the Sexes*, 1792). Оно вышло отдельным изданием в том же году, что и имевшее огромный общественный резонанс не только в Англии, но и в Америке, эссе «Защита прав женщин в Англии» Мэри Уоллстоункрафт. Говоря о главных этапах развития феминистского движения в странах западной цивилизации в качестве первой значительной вехи чаще всего упоминают именно «Защиту прав женщин в Англии» Уоллстоункрафт.

Однако можно сказать, что Мюррей предвосхитила эти феминистские воззрения. Дело в том, что основные положения эссе «О равенстве полов» были изложены Джудит Мюррей еще в 1779 г., а полный его текст выходил в апреле-мае 1790 г. в «Массачусетс Мэгэзин». Поэтому не будет большим преувеличением сказать, что для формирования феминистских идей в национальном масштабе именно Джудит Мюррей сыграла решающую роль. Самая знаменитая фраза этого эссе – «Да, Вы, барственный, Вы, надменный пол, наши души по своей природе равны (курсив автора – И. М.) вашим; то же самое дыхание Бога оживляет, вдохновляет, и подбадривает нас» [5, р.32] – стала лозунгом женского движения за равноправие полов в США с конца XVIII и практически до конца XIX в.

Развивая свою мысль о необходимости предоставлять женщинам глубокое и всестороннее образование, Мюррей особо выделяет тот факт, что будущее Америки значительно зависит от степени участия женщины в строительстве молодого государства, поскольку именно женщина играет основную роль в процессе воспитания молодого поколения американцев. Как же может она взрастить новое поколение патриотов, дать им необходимые знания об их гражданском долге, если сама она не считается полновластным гражданином?

Чрезвычайно важно отметить, что эти положения нашли самое широкое отражение в так называемой концепции «республиканского материнства» (*Republican Motherhood*). Сам термин

«республиканское материнство» получил распространение в 80-е гг. XX столетия благодаря работе Линды Кербер «Женщины республики: интеллект и идеология в революционной Америке» [8]. Однако само движение появилось еще в конце XVIII в. и его суть заключалась в том, что «женщины должны сами себя обучать принципам свободы, независимости и демократии с тем, чтобы прививать эти республиканские принципы молодому поколению» [9, р.11].

Как отмечают некоторые исследователи, эта концепция, вероятнее всего, возникла потому, что многие американки среднего класса, активно участвовавшие в борьбе за независимость, внезапно осознали, что конституционная «модель гражданина отвела им слишком мало места в жизни новой нации» [10, р.150]. Именно тогда и возникает идеология, чрезвычайно важная с точки зрения понимания проблемы самоидентификации женщины в США в XIX столетии и с точки зрения той миссии, которую возлагает на себя американка того времени. Это идеология гражданской ответственности женщины и ее общественного долга, где женщина наделялась особыми полномочиями в обществе в рамках отведенного ей в этом обществе месте – в доме и семье.

В концепции Мюррей добродетель не может существовать отдельно от знания и просвещенного ума. Так, в своем единственном романе «История Маргариты» (*The Story of Margaretta*, 1794) Мюррей утверждает первостепенное значение женщины в процессе воспитания молодого поколения, сознательно подчеркивает то, что расписание предметов, с особой заботой составляется женщиной (приемной матерью Маргариты), а гувернантка внушает девушке истинную жажду знаний.

Роман Джудит Мюррей «История Маргариты» является значительной вехой в становлении важной общественной концепции – концепции «домашнего очага» и женского литературного жанра – жанра «романа домашнего очага», ставшего влиятельным средством, пропагандирующим женские ценности и миссию американки в общественной жизни молодой республики.

Распространению этого жанра послужила развернувшаяся на рубеже XVIII —XIX вв. дискуссия об американской семье и доме как оплоте формирования нации, ее фундаменте, которая, в сущности, являлась продолжением дискурса женского участия в строительстве нового государства, где семья и дом служили метафорой общества и государства. Именно в этот период появляется концепция «домоустороительства», «домашнего очага» (*domesticity*), ставшая чрезвычайно значительной в женской сфере общественной и творческой деятельности на протяжении практически всей первой половины XIX в.

В условиях быстро меняющегося ландшафта американской политической, общественной и экономической жизни в первой половине XIX в. естественно повышается статус и авторитет семьи как гаранта устойчивости всего общества, а следовательно, и повышается статус женщины как творца домашнего покоя и уюта, хранительницы «тихой гавани в бушующем море жизни». Соответственно оформлялись правила ее воспитания и поведения, требующие полной отдачи женщины на пути построения христианского американского дома и семьи. Такое предназначение женщины, как представляется, очень образно и поэтически ярко выскажет несколько позже Г. Бичер – Стоу в романе «Сватовство священника» (*The Minister's Wooing*, 1859): «Чистая, поэтически возвышенная дева, провидица, святая, вошла в предназначенный женщине храм, более святой и непорочный, чем церковь и алтарь, – *христианский дом*

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «ЛитРес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на ЛитРес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.